



И. БИЛИБИНЪ.

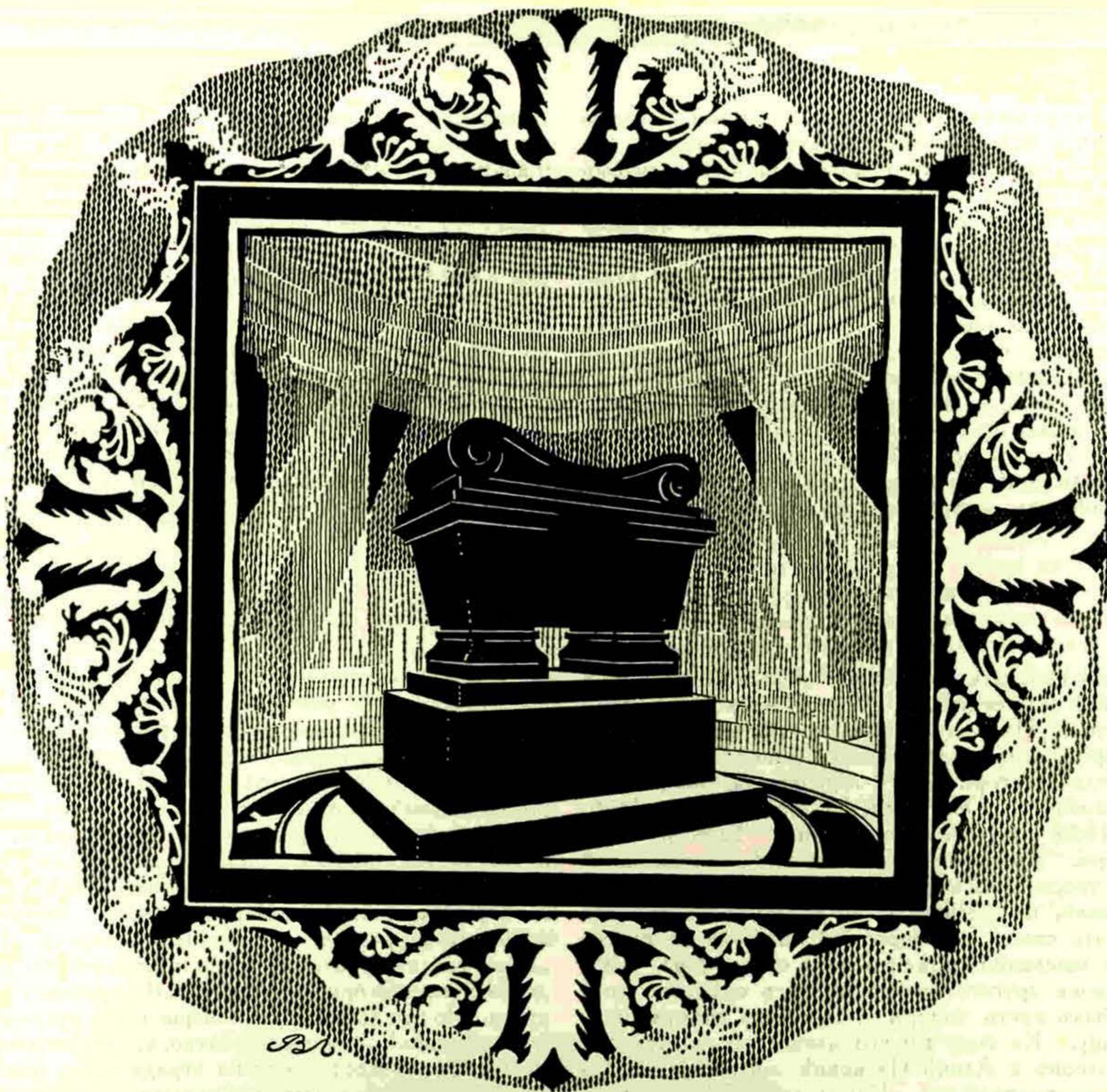
ЖАРЪ-ПТИЦА

ЖАР - РТИЦА

№ 4/5

1921

РОЖДЕСТВЕНСКІЙ НОМЕРЪ



ЧЕРНЫЙ БРИЛЛАНТЪ.

(О Достоевскомъ.)

1821—1921.

I.

Ton siècle était, dit-on, trop jeune pour te lire.

Musset.

„Неутолимое страданіе, нищета, развратъ — что такъ широко разлито на страницахъ Достоевскаго — это только гноище, на которомъ по закону необходимости вырастаетъ преступное; искаженные характеры, то возвышающіеся до гениальности, то ниспадающіе до слабоумія — это отраженіе того же преступнаго въ человѣческихъ генераціяхъ, наконецъ это борьба съ нимъ человѣка и безсиліе его побѣдить; среди хаоса беспорядочныхъ сценъ, забавно-нелѣпыхъ разговоровъ (быть можетъ, умышленно нагроможденныхъ авторомъ) — чудные діа-

логи и монологи, содержащіе высочайшее созерцаніе судебъ человѣка на землѣ — здѣсь и бредъ, и ропоть, и высокое умиленіе его страдающей души. Все, въ общемъ, образуетъ картину, одновременно и изумительно вѣрную дѣйствительности, и удаленную отъ нея въ какую-то безконечную абстракцію... Удивительно, — въ эпоху совершенно безрелигіозную, въ эпоху существеннымъ образомъ разлагающуюся, хаотически смѣшивающуюся, создается рядъ произведеній, образующихъ въ цѣломъ что-то напоминающее религіозную эпопею, однако со-

всѣми чертами кощунства и хаоса своего времени. Всѣ подробности здѣсь — наши; это — мы, въ своей плоти и крови, въ безконечномъ грѣхѣ и покаяніи говоримъ въ его произведеніяхъ; и, однако, во всѣ эти подробности вложенъ не нашъ смыслъ или, по крайней мѣрѣ, смыслъ, котораго мы въ себѣ не знали. Точно кто-то, взявъ наши хулящія Бога языки и, ничего не измѣняя въ нихъ, сложилъ ихъ такъ, такъ сочеталъ тысячи разнородныхъ ихъ звуковъ, что уже не хулу мы слышимъ въ окончательномъ и общемъ созвучіи, но хвалу Богу; и ей удивляясь — къ ней влечемся.“

Такъ писалъ въ свое время о Достоевскомъ Розановъ. А ужъ кому было и понимать Достоевскаго, если не Розанову, который самъ точно сошелъ съ одной изъ вдохновенныхъ страницъ великаго

Можно написать интересное изслѣдованіе на тему объ этикѣ Достоевскаго. Мораль — сложная вещь: у коптовъ Пилать почитался святымъ. Самъ Шиллеръ, католикъ кантіанской философіи, добрый ревнитель категорическаго императива, обмолвился разъ словами: „Der physische Mensch ist wirklich, der sittliche nur problematisch“. Такъ то былъ Шиллеръ. Авторъ же „Преступленія и наказанія“ порою творилъ съ моралью истинныя чудеса. Онъ разсказалъ, на примѣръ, убійство Алены Ивановны такъ, что самый благонравный читатель не въ состояніи мысленно отдѣлать себя отъ убійцы. Раскольниковъ другого ничего не могъ сдѣлать: долженъ былъ взять топоръ и зарубить старуху-процентщицу. Къ тому же его извѣстное разсужденіе о Наполеонѣ и Аленѣ Ивановнѣ логически совершенно неопровержимо. Наполеонъ дѣйствительно мало считался и съ категорическимъ императивомъ, и съ заповѣдью „не убій!“, и съ заповѣдями вообще. Тѣмъ не менѣе въ Парижѣ восторженнымъ восклицательнымъ знакомъ исторіи красуется на удивленіе міра Вандомская Колонна... Въ „Преступленія и

Всю свою жизнь онъ чему-то училъ и что-то проповѣдывалъ. Проповѣдуетъ „Преступленія и наказаніе“; проповѣдуютъ „Братья Карамазовы“; „Дневникъ писателя“ есть сплошная проповѣдь, густо перемѣшанная съ политическими предсказаніями. Но въ свѣтѣ того, что Достоевскій думалъ и зналъ о людяхъ, о первородномъ злѣ человеческой жизни, эти проповѣди звучатъ почти насмѣшкой. За исключеніемъ, быть можетъ, Толстого, у насъ не было болѣе мрачнаго художника. Никто такъ не былъ лишенъ въ душѣ надежды, никто такъ

романиста. Но въ ту пору, когда Розановъ писалъ эти строки, онъ еще не имѣлъ передъ собой нынѣшнихъ иллюстрацій къ русской религиозной эпопеѣ со всѣми чертами кощунства и хаоса. Жизнь оказалась лучшимъ комментаторомъ Достоевскаго. Въ Москвѣ, на Лубянкѣ, есть теперь семинарій, гдѣ наглядно показывается, что такое достоевщина.

Я писалъ три года тому назадъ о „Бѣсахъ“: „Въ минуты мрачнаго вдохновенія зародилась эта книга въ умѣ Достоевскаго. Этотъ человекъ, не имѣвшій ни малѣйшаго представленія о политикѣ, былъ въ своей области подлинный русскій пророкъ, провидецъ безмѣрной глубины и силы необычайной. Октябрьская революція безъ него непонятна; но безъ „проэкции“ на нынѣшнія событія непонятенъ до конца и онъ, черный брилліантъ русской литературы...“

II.

Я никогда не слышалъ о такомъ преступленіи, котораго не могъ бы совершить самъ.

Гете.

наказанія“ преступленіе занимаетъ страницъ десять; все остальное — наказаніе. Но грань между преступленіемъ и наказаніемъ стирается — вопреки ясно (слишкомъ ясно) выраженной волѣ автора. А вѣдь Достоевскій здѣсь позволилъ себѣ небольшой художественный трюкъ: каторгу, которая выпадаетъ на долю Раскольникова, онъ могъ изобразить совсѣмъ не въ той уклончивой, небрежной манерѣ, въ какой онъ изобразилъ ее на самомъ дѣлѣ въ эпилогѣ романа (авторъ „Мертваго дома“ достаточно хорошо зналъ, что такое настоящая каторга). Тогда „Преступленія и наказаніе“ по моральной тенденціи должно было бы приблизиться къ „Воскресенію“ Толстого. Но это вызвало бы совершенную путаницу во всемъ замыслѣ романа и, вѣроятно, въ душѣ его автора. Философская идея очищенія страданьемъ, одна изъ самыхъ искусственныхъ и злополучныхъ мыслей Достоевскаго, своевременно пришла ему на помощь, — дала возможность какъ-то отвязаться отъ проблемы Раскольникова. „L'homme est une bête philosophique“. Тѣмъ не менѣе „Преступленія и наказаніе“ остается гениальнымъ ребусомъ мировой литературы.

III.

Un grand sommeil noir pèse sur ma vie,
Dormez, tout espoir! Dormez, toute envie!

Verlaine.

не лишаетъ ея другихъ, какъ этотъ радостный, неутомимый проповѣдникъ... Что Алеша Карамазовъ можетъ отвѣтить Ивану? Что старецъ Зосима можетъ сказать Смердякову и Федору Карамазову? Когда у Достоевскаго зло побѣждается добромъ, читателямъ трудно удержаться отъ усмѣшки. А онъ этимъ-то именно и занимался, — стравливая зло съ добромъ, неизмѣнно давалъ высшую побѣду послѣднему. И дѣлалъ онъ это съ энтузіазмомъ, съ болью, съ криками, съ яростью... Кладбище, объятые пожаромъ, — я не могу придумать другого сравненія...

IV.

Говорятъ: *le style, c'est l'homme*. Это совершенно невѣрно. *Le style, c'est l'écrivain*. Въ слогѣ сказывается цѣликомъ писатель, но очень рѣдко и неполно человекъ. Въ простотѣ и ясности божественной Лермонтовской прозы нельзя прочесть душу поэта, сумрачную и бурную. По великолѣпнымъ періодамъ законченнаго гармоническаго стиля Флобера никто не скажетъ, что авторъ „Саламбо“ былъ эпилептикъ и несчастнѣйшій изъ людей. Ничего не говоритъ о человекѣ Достоевскомъ стиль писателя Достоевскаго. А стиль у него былъ странный и неровный. Въ публицистикѣ онъ „весь обросъ словами“, какъ говорилъ Катковъ объ И. С. Аксаковѣ. Но въ художественной прозѣ Достоевскому точно не хватало словъ, какъ не хватало, конечно, и „техники“. Врубель однажды о себѣ замѣтилъ, что, если бъ былъ богатъ, то не писалъ бы самъ картинъ, а заказывалъ бы ихъ художникамъ съ „техникой“, объяснивъ свою мысль и составивъ подробную инструкцію. Это, разумѣется, бутада, но ее можно было бы отнести и къ Достоевскому... Лермонтовъ, величайшій мастеръ формы, изъ „Идіота“ выкинулъ бы половину, изъ „Униженныхъ и оскорбленныхъ“ три четверти.

Въ литературномъ стилѣ сказывается писатель; но въ физическомъ обликѣ сказывается человекъ. Я смотрю на страшное лицо, изображенное на портретѣ Перова — и вспоминаю потрясающее

письмо Страхова къ Толстому, гдѣ другъ, біографъ, панегиристъ Достоевскаго сообщилъ объ его личности и жизни такіе поразительные факты... Правда, безъ такихъ фактовъ не существовало бы въ русской литературѣ ни „Карамазовыхъ“, ни „Преступленія и наказанія“: праведникъ едва-ли бы могъ написать эти два геніальныхъ творенія. А кромѣ того, такъ ли важно, кто былъ человекъ Достоевскій? Жизнь писателя и его творчество, конечно, тѣсно связаны между собой; но связь эта таинственная и не прямая. Мистикъ изъ мистиковъ Сведенборгъ былъ по профессіи предприимчивый инженеръ-химикъ, прекрасный металлургъ и практичнѣйшій человекъ. Шекспиръ въ то самое время, когда писалъ „Макбета“, вель, говорятъ, судебный процессъ о 35 шиллингахъ и 10 пенсахъ, недоплаченныхъ ему какимъ-то Роджерсомъ. Вотъ и задача комментатору — перебросить мостъ отъ творчества къ жизни...

Однако, портретъ Перова свидѣтельствуетъ и о многомъ другомъ. Въ этомъ лицѣ необычайная духовная сила и чары подлиннаго волшебника. Обликъ Достоевскаго — обликъ больного, но съ перваго взгляда ясно, что этотъ больной — геній. И мощь, и страсть, и вдохновенье, и геніальность озарены въ немъ свѣтомъ безграничной скорби, жгущей на медленномъ огнѣ душу этого человека... Ему все простится, хотя онъ, быть можетъ, никого и ничего не любилъ.

М. А. Алдановъ.

